

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
О43

Художник К. Прокофьев

Однобибл М., Кунгурцева В.

О43 Киномеханика. – М.: ИД «Городец», 2018. – 432 с.

Действие романа разворачивается в 1970-е годы. Интрига так или иначе затрагивает судьбы обширной галереи действующих лиц, каждого – со своей загадочной и драматической историей, своими терзаниями, заблуждениями, своими пороками и страстями.

Начинаясь как стилизованная история предательства и мести, сюжет преодолевает пороги детективных коллизий и постепенно входит в русло вполне земного, даже натуралистического реализма и, проведя читателя сквозь физические и душевные страдания персонажей, когда уже кажется, что все обречены и выхода нет, вдруг совершает новый поворот.

ISBN 978-5-907085-01-5

© Однобибл М.,
Кунгурцева В., 2018
© ИД «Городец», 2018

Глава 1

НА КАТЕРЕ

На пляже было слишком тесно. И в то же время отсюда некуда было дальше идти. Марат столько сил потратил на то, чтобы достигнуть первого моря, и вот теперь оказался прижат к нему! Он ежился от одной мысли, что придется обувать страшные душные ботинки «прощай, молодость!» и хромать по незнакомым улицам, на которых непонятно где ловить фарт. Даже для того, чтобы примкнуть к таксистам, которые в ожидании пассажиров перекидывались в свару или очко, следовало знать места стоянок, но, скорее всего, в городе, переполненном курортниками, приехавшими сюда шиковать и тратить деньги, такси повсюду, не только на вокзале, шли нарасхват. Оставалось ждать наступления темноты, когда мамыши уведут мелюзгу и на очистившийся остывший пляж выйдет более серьезная публика. Однако ею могли оказаться как подвыпившие северяне, которым ничего не стоит выложить на кон червонец, так и милицейские патрули. Словом, эта перспектива тоже представлялась весьма сомнительной, поэтому, когда Марат услышал отчетливо разнесшееся над невнятной разноголосицей пляжа приглашение совершить морскую прогулку на катере вдоль побережья, он решительно захромал наперерез человеку, не спеша удалявшемуся в сторону порта. Время от времени тот подносил к углу рта раструб мегафона и лениво

отщелкивал пункты остановок: «Фрунзе», «Ворошилова», «Зеленая роща»... Именно в этом направлении Марату предстояло двигаться к цели своего посещения. Но главное — маленькое путешествие могло открыть возможности, которые с пляжа было не разглядеть. Прежде чем попроситься без билета на катер, следовало подготовить почву, и Марат обратился к человеку с выдуманной на ходу просьбой, которую тот без вопросов выполнил, презрительно крикнув на весь берег: «Потерявшаяся родня Марата Родина, вас ожидают на мелководном причале». При этом человек ни на секунду не замедлил шаг, все так же размеренно и привычно твердо переставлял он по неровностям гальки стертые с внешней стороны низкие каблуки старых ботинок. Пятна пота темнели под мышками белой галанки с коротким рукавом. Над козырьком фуражки тускло блестел желтый краб.

Это был занятный тип, видимо, знавший лучшие времена, но теперь весь пропитанный пренебрежением к настоящему и своей роли в нем. В развязных интонациях его голоса, в произвольном растягивании одних слогов и проглатывании других слышалось стремление не заманить публику на прогулку, а подчеркнуть дистанцию между собой и изнеженными созданиями вокруг, которых он по какому-то печальному недоразумению вынужден развлекать. Это же Марат ощутил в том, как небрежно моряк выслушал его просьбу и тут же бесцеремонно перевернул ее смысл, назвав «потерявшейся» родню, а не самого Марата. Кроме того, хотя Марат конкретно, по степеням родства, перечислил тех, кто его якобы ищет, Краб свалил всех в кучу и прихлопнул одним собирательным именем. Тем самым он давал понять, что вовсе не готов верить таким субъектам, как Марат; более того, ему не было дела до их правды и лжи, а если какой-то безголо-

вый Родин в пляжной кутерьме действительно потерял какую бы то ни было «родню», пусть встречаются на мелководном причале; он же, моряк, не согласен даже подзывать их к себе, потому что в душе бесконечно далек от царящей на курорте атмосферы мелких волнений по ничтожным поводам, хотя механически и погружен в нее.

В общем, Марат недооценил моремана и вместо сочувствия вызвал иронию поспешной, убогой легендой или, хуже того, насторожил. Но когда он следом за последними пассажирами шел на борт катера навстречу стоящему у трапа моряку — кто он был, капитан или матрос? — Марату ничего не оставалось, как только плясать дальше от собственной глупости и утверждать, что на мелководном причале он так никого и не дождался. Родственники, объяснял Марат, не услышали о нем, вероятно, потому, что помчались разыскивать его в город, в конце концов они вернутся в центральный военный санаторий имени Ворошилова, где отдыхают, но если не найдут его и там, заподозрят, что он утонул, ведь плавать он не умеет, и подымут жуткую панику. А поэтому, рассуждал Марат, ему следует как можно скорее вернуться в номер, и хотя денег при себе у него нет — кошелек остался у тех, с кем он пришел купаться, — впоследствии он найдет возможность вернуть капитану стоимость билета, если сейчас ему будет разрешено подняться на борт бесплатно.

Объясняясь, Марат уже почти выбился из сил. Между тем по виду Краба, погруженного в себя, нельзя было даже понять, слушает он или нет. Сколько раз в Учреждении старый сиделец Петрик повторял Марату, что создаваемые к случаю одноразовые легенды должны быть особенно изящны, иначе они неубедительны. И если, к примеру, объясняешь человеку, которого видишь в первый и последний раз, откуда у тебя нож или денежная банк-

нота, никогда не говори, что нашел, даже если действительно нашел и если интерес случайного человека продиктован не долгом службы, а праздным любопытством.

Внезапно моряк оживился. Что-то случилось за спиной Марата. Краб схватил его за локоть и, притянув к себе, быстро втолкнул на палубу — кажется, только для того, чтобы освободить проход, а вовсе не уступая его жалким просьбам и смехотворным доводам. Еще пассажиры — двое мужчин и две женщины — шли на катер. Уверенно выступавший первым грузный длиннорукий голован вдруг обнял свою спутницу за талию и («Ах!» — вскрикнула она, испуганно обхватив его шею) ловко понес ее над водой по пружинящему узкому, без перил, трапу. Краб молча посторонился. На палубе вошедший резко разогнул локоть, так что его даме пришлось поспешно выпрямить кокетливо поджатые ноги, чтобы не упасть на колени, но прежде, чем он по-хозяйски разложил руки на тросах леерного ограждения и заслонил проход, вторая женщина, моложе и гибче первой, скользнула мимо него к лавкам для пассажиров. Там она уселась спиной к происходящему у трапа, поблескивая гладко причесанной головой — у нее были темно-рыжие волосы с бронзовым отливом, — видимо, довольная тем, что не позволила замыкающему группу парню по примеру впереди идущего поймать ее за осиную талию и вовлечь в балаган. Он, впрочем, и не думал. Остановившись на середине трапа, четвертый человек из этой разномастной компании спокойно ждал, когда его товарищ освободит проход. Но тот застрял напротив моряка, куражливо вертя стриженной головой на короткой шее. Поворачиваясь то в фас, то в профиль, то по-стариковски вжимая голову в плечи, то молодецки расправляя плечи и выпячивая подбородок, он не столько сам разглядывал Краба, сколько давал себя

разглядеть, и упорно хранил молчание, пока не вынудил того заговорить первым. И, конечно, это было не требование предъявить билет.

— С возвращением, Адик! — осклабился Краб, на секунду обнажив прокуренные желтые зубы и такого же цвета склеры глаз.

— Лора, — представилась спутница Адика, чтобы тоже стать знакомой, и радостно вложила руку в раскрытую для пожатия ладонь моряка.

Вообще-то он протянул ее Адиду, но тот пронес мимо нее свои длинные узловатые пальцы и вцепился Крабу в плечо, словно для выражения всей полноты чувств ему важно было держаться за руку поближе к тому месту, откуда она росла. Со стороны это выглядело как встреча старых друзей. Марат ожидал, что Краб назовет свое имя. Но он не захотел или опоздал это сделать. Еще в тот момент, когда тонкая кисть Лоры качалась в его грубой ладони, Адик свободной рукой так ущипнул женщину сквозь сарафан за бок, что она подпрыгнула и со слезами на глазах стала упрекать его за то, что останется синяк, ведь у нее нежная кожа. Однако Адик нагло сделал вид, будто он ни при чем, и, обратившись к моряку, попросил уточнить, с возвращением к чему именно его можно поздравить. После оскорбительного уклонения от рукопожатия такой вопрос звучал каверзно. На месте Краба Марат выждал бы, спрятавшись за какую-нибудь дежурную, обтекаемую фразу. Неплохо было обострить ситуацию, предложив Адиду выражаться прямо, — опасные люди уважают сопротивление. Но моряк ответил еще ухищреннее, оттолкнувшись от вопроса, чтобы круто повернуть разговор в интересующее его русло. Он поздравил Адика с возвращением к вину, винам, к милым дамам пик, трэф, бубен, червей и без промедления предложил:

— Хочешь, сегодня же этих продажных шлюх перед тобой разложим?

— Фу! — сказала Лора.

Ну, конечно, он был игрок! Марат мог бы догадаться об этом раньше, по тяжелой, холодной апатии к окружающему, тому дневному похмелью, которое наступает после горячки бессонной ночи, особенно если она окончилась проигрышем и желчь разлилась до белков глаз. В Адике, вернувшись после долгой отлучки, моряк рассчитывал найти свежего партнера на предстоящую ночь и, досадливо отворачиваясь от кукольного личика Лоры, с надеждой поглядывал на его спутника как на еще одного возможного игрока. Ожидавший на трапе тоже хранил тот невозмутимый вид, который на поверку часто выходит оборотной стороной азарта. Он подчеркнуто не принимал участия в разговоре и тактично повернулся к нему боком. Сунув руки в карманы и легко балансируя на упругих досках долговязым телом, юноша внимательно провожал медленным взглядом проплывающую под ним крякву, словно эта серая утица представляла наибольший интерес из всего, что тут плавало, ходило и летало. Марат проследил за его взглядом и почти согласился с ним. В сибирских побегах при виде уток Марат жалел, что нет ружья и собаки, но у моря, хотя сейчас он был голоднее, чем на берегу глухого таежного озера, эта знакомая птица вызывала совсем иное чувство. От ее спокойного молчаливого присутствия все остальное: пестрая толпа людей, крикливые чайки-хохотуны, белые теплоходы, черные кнехты причала с живописно наброшенными на них петлями толстых пеньковых канатов и даже колокольчиковый ультрамарин акватории порта — казалось чем-то ненастоящим.

Марат ощутил укол грусти — не втрави его неотложное дело в этот пестрый поток людей и событий, удил

бы теперь щурят в старицах на берегу Томи, наслаждаясь уединением, — но малодушно было поддаваться сантиментам и мимолетным фантазиям вместо того, чтобы пристально изучать приморский курорт, его порядки и неписанные законы. То, что Марат далеко еще не освоился здесь, становилось ясно из его практической беспомощности. Он ничего в городе-курорте не добился, хотя провел уже, судя по дамским часикам на запястье Лоры, битых четыре часа. Марат совершал действия, которые приносили результаты, обратные ожидаемым, и лишь запутывали его положение. Он устремился от вокзала к морю в надежде восстановить силы, но, когда достиг его, оказался прижат к берегу вдали от рынков и садов, которые, без сомнения, в городе имелись и откуда несли к морю снедь — конечно, не для того, чтобы среди камней делиться с незнакомцами. А потом, когда он приложил усилия, чтобы проникнуть на катер, его свобода передвижения сузилась до размеров палубы, выход с которой охранял, возможно, именно тот человек, по иску которого Марат отбывал срок в далеком сибирском Учреждении. Две приметы совпадали: профессия и страсть. Разумеется, в приморском городе хватало азартных мореманов, и казалось невероятным в первый же день в пляжной суете случайно выйти на человека, на которого охотишься. Его внешность не соответствовала, но и не противоречила словесному портрету четырнадцатилетней давности; более свежими данными Марат не располагал. За такой срок любое молоджавое лицо могло быть до неузнаваемости обветрено штормами и исклевано азартом. Правда, моряк никак не прореагировал на фамилию Марата, столь безрассудно им выболтанную из нахлынувшего внезапно хулиганского желания во всеуслышание заявить о том, что он, преодолев все барьеры и обойдя

все ловушки, достиг-таки кромки Черного моря. Но если Краб был матерый истец — мало ли Родиных и Неродиных по его инициативе отбывало сроки в разных Учреждениях страны, — естественно, он не мог всех упомянуть. А если и вспомнил, мог притвориться, будто фамилия ему не знакома, что говорило о его отменной выдержке, с которой Марату непросто будет совладать.

Научившийся не доверять внутреннему голосу и воздерживаться от скоропалительных выводов, Марат отмахнулся бы от такого невероятного совпадения в любом другом месте, но не здесь. Слишком шикарно выглядел этот город и потому настораживал. Глянец скользок. Изпод карнавальных масок выглядывали не похожие на них лица, в каждом конкретном случае следовало разбираться отдельно. Адик, туго обтянутый плотной тканью фирменных джинсов цвета индиго, выглядел как иностранный турист или местный пижон из великовозрастных сынков обеспеченных родителей. А между тем по некоторым его ухваткам Марат догадался, что он недавно освобожден из заключения (а значит, имел солидный жизненный опыт) и на уме у него было что-то плохое. Но это пока что было Марату на руку, поскольку Адик завладел вниманием моремана, не давая ему переключиться на другие предметы.

Марат ушел на нос катера к рыжеволосой девушке из этой же компании и, вкратце изложив ей легенду, по которой временно остался без денег, спросил, не знает ли она имени и фамилии моряка у трапа. «Я привык отдавать долги, — объяснил Марат, — и обязательно уплачу деньги за билет, но для этого, когда я вернусь на причал, мне надо знать, кого спрашивать, а когда найду, не кричать же мне ему с берега «э!»; проще было бы, конечно, спросить у него самого, но он полностью занят какой-то

неотложной беседой; а когда катер отчалит, наверняка запрещено входить в рубку и отвлекать рулевого от штурвала». Девушка сказала, что ей неизвестны ни имя, ни фамилия моряка, в сторону трапа она и бровью не повела.

— Это странно, — осторожно возразил Марат, — капитан пускает нас, как добрых знакомых, бесплатно на катер, причем пятеро безбилетников для такого углого суденышка — это ощутимый балласт, а мы даже не знаем его имени.

— Ты из-за такой чепухи считаешь себя благодетельствованным, поэтому обычный матрос может вырасти в твоих глазах не только до капитана, но и до адмирала флота. Что же касается меня, то не мне делают одолжение, а я его делаю, усаживаясь в эту, как ты метко заметил, жалкую посудину. Скоро мы поплывем? — С этими словами девушка закинула руки за голову, сильно потянувшись всем телом и, давая понять, что разговор окончен, крикнула через голову Марата качавшемуся на трапе кавалеру:

— Стерх! Пока ты там клюешь носом, со мной знакомятся чужие мужчины!

Марат захромал прочь. В самом деле, не понимая всей важности обращенного к ней вопроса, она увидела в нем лишь неуклюжий предлог для разговора с красивой девушкой. Самоуверенна она была чрезвычайно, несмотря на веснушки, усыпавшие ее кожу до подмышек и маленьких ушей, которые она нахально выставила на общее обозрение. Вся грива ее густых тяжелых волос — несколько непослушных спиралевидных прядок только оттеняли это — была туго оттянута вверх, разглаживая маленький лоб и делая его более высоким, а шею более длинной, чем они были в действительности. Судя по отсутствию загара, она тоже недавно прибыла на курорт,

но уже так освоилась здесь, что в ее устах убедительно звучали слова «чепуха» или «скучно», словно такую бессмыслицу позволительно было говорить применительно к приморскому городу.

Пожалуй, у нее стоило поучиться раскрепощенности. Крайне щепетильное дело, которое завело сюда Марата, переполняло его чувством ответственности. Оно и помогало, и сковывало, стирая грань между здоровой самокритикой и болезненной мнительностью, когда Марат преувеличивал значение своих мелких оплошностей, а призрачные опасности давили на него, как неотвратимость. В самом деле, его разовая легенда была не совсем безнадежна. Даже если Краб именно тот, кого Марат в нем заподозрил, даже если он припомнил его фамилию и прямо на катере затеет процедуру выяснения личности, Марат сохранял шанс вывернуться, заявив, что было названо имя Айрат Смородин. А если моряк, услышавшись в пляжном гвалте, произнес «Марат Родин», то и понятно, почему родня Айрата не появилась на мелководном причале. Значит, Краб сам отчасти виноват в том, что пришлось взять на борт безбилетника. Словом, как говорил старый сиделец Петрик, самую сутулую легенду можно вывернуть наизнанку так, что у нее будет грудь колесом. Вероятность того, что моряк узнает Марата в лицо, была ничтожна. Свежими фотоснимками истец располагать не мог. А по старым портретам нельзя было опознать никого из тех, кто провел в Учреждении более трех лет, и одним из важных доказательств его силы и могущества было именно то, как неузнаваемо менялись люди в его недрах. Все же Марат на всякий случай расположился подальше от рулевой рубки, на корме у самого борта, чтобы нагнуться через него к воде, если затошнит. Он был наслышан о морской болезни, сейчас ему впер-

вые предстояло испытать качку, а болтало катерок, наверно, ужасно даже при «волнении моря 1–2 балла», как сообщала пляжная афиша, и он не знал, как поведет себя его организм.

Но когда вышли в море и тарахтение мотора, хлопанье парусинового тента, защищавшего открытую палубу от солнца, тягучие волны и гнетущее многолюдство пляжей, вдоль которых они проплывали, слились в череду однообразных картин и звуков, на Марата вместо тошноты навалилась тяжелая сонливость. Он путал грезы с явью, вздрагивал и жестко стискивал челюсти, когда, вырываясь из дремы, видел тугие пепельно-сизые локоны сидевшей прямо перед ним Лоры. Они еще на причале возбудили его подозрение. Рассмотрев их вплотную, Марат убедился, что это парик, причем такого же фасона и цвета, как у начальницы его Учреждения. Эти намертво завитые волосы наполняли Марата ощущением борьбы между ним и могущественной системой таких учреждений, опиравшихся на поддержку близкородственных государственных органов, давнюю многолетнюю борьбу, которая велась с переменным успехом, ни одна из сторон не могла добиться окончательной победы, как бы ни оказывалась к ней близка, потому что противники были кровно заинтересованы друг в друге: Учреждение было обязано Марату смыслом своего существования, а Марат ему — жизнью. И хотя нелепой представлялась сама мысль о том, чтобы он благодарил или чтобы его благодарили, само собой было ясно, что между сезонами весенне-летних побегов есть другие времена года, когда строгий режим в теплом застенке предпочтительнее лютой бурной вольницы.

В какой-то раз Марат очнулся от зычного голоса Адика. Ему приходилось напрягаться, чтобы перекрыть гул мо-

тора, бурление винта и треск мечущегося в парусине ветра, но, видимо, неотложность темы стоила усилий и неудобств, которые терпел вор. Поскольку он занимал место впереди, подле Лоры, ему пришлось повернуться к ней спиной, выставить колени в проход и пропустить под мышкой жесткую спинку лавки, чтобы обращать речь в нужном направлении. Он кидал слова назад, но не Марату, а тому, кто расположился рядом. В дреме Марат не заметил, что моряк сел бок о бок с ним, заперев его, быть может, неумышленно, между собой и бортом катера. Значит, расчет на то, что хотя бы на время плавания Краб будет привязан к штурвалу, не оправдался. Не будь Марат так истощен голодом, он сразу бы догадался, что море не река, команда даже такого маломерного суденышка состоит не из одного человека, кто-то в рубке есть. И все-таки он не мог отделаться от ощущения, что место у штурвала пусто и катер, бессмысленно ныряя в волнах, несется куда-то стихийным курсом, пока эти двое, устроившись на корме, с головой ушли в обсуждение посторонних предметов.

— Пять лет назад я был одним из вас. Вернее, первым из вас, — долетал до Марата сквозь привычные уже шумы катера голос Адика. — А теперь перестал быть. И знаешь почему? Кто-то жадно жил моей жизнью в мое отсутствие. А вот ты — счастливчик!

— Разве я счастливчик?! — уныло просипел моряк.

— Конечно, — злобно воскликнул Адик, — и твоя скромность — лучшее тому доказательство, ведь первая заповедь везунчиков — прибедняться, отрекаться от своей удачливости и твердить: «Я не я и фортуна не моя». Знаю я вас! Так и стоят перед глазами постные лица родственников и знакомых девушек, готовых при виде меня разреваться то ли от горя, то ли от ужаса и страха за себя,

как будто не мне, а им обкорнали жизнь и волосы. Все, кроме меня, чем-то недовольны! На увеселительной морской прогулке я натыкаюсь на твой потухший взор. С другой стороны ерзает Лора, хватается за грудь, как будто от легкой качки у нее может выскочить сердце. А посмотри на этих голубков! — Адик насмешливо повел лобастой головой в сторону рыжей девушки и юноши, расположившихся на носу, у самого борта. — Как тщательно они укрывают свое личное счастье, повернувшись ко всем молодыми затылками и даже не воркуя друг с другом, может быть, лишь украдкой держат под лавкой судорожно переплетенные пальцы. Разве они не прибедающиеся счастливичики, как и все на этой палубе? От вас тут не продохнуть! — Адик обвел глазами пассажиров. Марат не увидел, но почувствовал, как тот остановил на нем взгляд. — За исключением, быть может, вот этого доходяги. Какое безмятежное у него лицо! Заметь: он не грустит, как ты, по дохлой пиковой даме, а блаженно спит, жаря на солнце выпуклый пуп, хотя его трудно заподозрить в легкой жизни, если даже пуповину, судя по этой пуговице, ему перетягивал пьяный ветеринар.

Адик мог изгаляться сколько угодно, Марата не задевали его измышления, но они привлекли нежелательное внимание Краба, который, в эти секунды пусть и от нечего делать, разглядывал его лицо, машинально запоминая. Марат сунул руку в карман, где лежал нож, распахнул глаза и с неприязнью внезапно разбуженного человека хрипло проговорил:

— Чего?

— Чужой ты тут, вот чего! — ответил бесцеремонно Адик и покончил с Маратом: — Спи дальше, карлик, никто тебя не трогает, — продолжал, кивая на парочку впереди: — Она на носу, я на корме, и, видно, мне ее уже

не догнать, слишком долго отсутствовал. Может, во мне произошли перемены, которые ее отталкивают, и стань я прежним — она по-прежнему радостно салютовала бы мне при встрече. Но я не помню, каким был, — видно, память отсидел. Мне надо освежить память, и никто мне в этом не может помочь, кроме старых знакомых. Скажи прямо, старина: ведь ты тоже долго опознавал меня. Неужели я так сильно изменился: постарел, пострашнел?

— Девочка повзрослела, — сказал Краб, благоразумно уклонившись от прямого ответа. Вор усмехнулся и, помолчав, продолжал:

— Если я лишился Сингапура, — потому что кто меня теперь туда пустит? — это полбеды, хотя и с мечтой расставаться горько... А ты, моряк, в Сингапуре был? Вот видишь, как тебе повезло! Мало того, дамы, которые тебе только и нужны для счастья, во всех дальних плаваниях были с тобой, потому что их легко можно найти в любом порту на любом борту, даже на этом. Нет, никто меня не разубедит в том, что ты редкостный везунчик!

— Был! — сипло каркнул Краб.

— Как же это «был», — деланно удивился Адик, — если дамы и сейчас при тебе, сам меня к ним звал... Они ведь не стареют. — При этом он в упор взглянул на свою спутницу и, отвлечшись от разговора, шепнул что-то ей на ухо, после чего Лора, нарочито поведя плечами, отправилась к парочке на носу катера.

— Правда, слышал я, старина, — продолжал Адик, — что и у тебя был тяжелый день в жизни. Я говорю о твоём грандиозном проигрыше, который случился вскоре после того, как я вынужден был покинуть наш с тобой порт, только не в Сингапур я ехал. Пять лет в Заполярье бесплатно отдыхал и питался, но не траулер то был и не ле докол «Ленин». Хорошо помню нашу последнюю игру;

в тот раз твои картонные шлюхи тоже тебе изменили, хоть и любят они тебя, знаю, как и ты их. Взаимная любовь — что может быть лучше? Но в тот раз дамы подвели тебя, остался ты буквально в чем мать родила; и вдруг узнаю, что ты в мое отсутствие — не успели еще остыть мои следы на раскаленном асфальте этого города — проигрываешь Черкесу энную сумму с тремя нулями! Невероятно! Или ты скажешь, что слухи сильно преувеличены? Не скажешь? Правильно! Кто же станет сомневаться в достоверности слов Юсуфа, даже в его отсутствие? Потому что безопаснее признаться и в том, чего не было, чем заподозрить в клевете такого авторитетного джигита! А предположить, что его подвела память, — значит оскорбить еще сильнее. Ты знаешь, к чему я клоню, моряк! Откуда такие деньги?! У тебя в рубке, я видел, удочки лежат... Так вот, слушай внимательно: возможно, однажды рано на заре ты копал червей для рыбалки и случайно выкопал... клад. А что ж, с моряками это часто случается. Вот лично я никогда не находил чужих кладов, но ведь я и не моряк. Ужасно любопытно: как он выглядел? Неужели старинный глиняный кувшин или окованный ржавым железом сундук из негниющего тысячелетнего тиса? Стоп, молчи! Сейчас я сам угадаю. Это был... вполне современный, правда, сегодня уже несколько старомодный школьный ранец из дерматина. Спорю, ты прорубил лопатой его клеенчатое покрытие? Надеюсь, ты не повредил того, что было внутри? Понимаешь, старина, там не мог быть закопанный двоечником дневник, потому что какой же это для тебя клад, ведь ты не строгий учитель, а бесшабашный мореман и к тому же картежник! И, кроме того, не всегда школьные принадлежности закапывают в землю школьники. Иногда сентиментальная мать десятилетиями бе-

режет ранец как реликвию детства, а повзрослевшему первокласснику он кажется музейным хламом, пока он вдруг не найдет хламу странное и неожиданное применение. Из ранца вытряхиваются тетрадки с ошибками пятнадцатилетней давности, с вложенным для чего-то между страницами листом инжира, а вместо этого кладется туда... Давай еще раз вместе подумаем: что?! Золото и бриллианты? — прошептал Адик и отчеканил: — Ничего подобного! Там хранилось нечто практичнее драгоценностей. Нечто чуждое и враждебное всякому законопослушному советскому гражданину, но и в высшей степени привлекательное. Заметь: мне сейчас интересен не факт присвоения клада — и я, и любой другой поступили бы так же, — а ход твоих мыслей. Ты не мог не думать про хозяина клада. Ты даже подозревал, кто это, потому что хватит, пожалуй, одного пальца на одной руке, чтобы сосчитать на побережье людей, которые, во-первых, могли иметь в наличии найденное тобой, во-вторых, вынуждены были на срок с этим расстаться и спешно зарыть ранец именно в том месте, — это уже в-третьих, — где ты на него наткнулся. Ты ни секунды не сомневался, что рано или поздно хозяин клада примется искать его или того, кто его нашел! Вот с какими мыслями ты украдкой огляделся: стояло раннее погожее утро, вокруг — ни души. К тому же ты находился в густых зарослях какого-то кустарника. Его много по городу рассажено, у него такие бледные, без запаха, цветы, только я не помню названия. А ты? Тоже не знаешь?

Краб молчал — наверное, благоразумно давал возможность собеседнику выпустить пар, прежде чем приступить к оправданиям. Но даже если у него имелись веские аргументы в свою защиту, Адика они, по-видимому, не интересовали.

— На что ты рассчитывал?! — раздраженно выкрикнул вор, и брезентовый тент над палубой устрашающе захлопал от резкого порыва ветра. — Что хозяин клада из долгой отлучки не вернется, а если вернется, не сможет установить личность нашедшего клад?.. Ты просчитался! Такое длинное шило в мешке не утаишь. Откуда появилась в твоём кармане такая фантастическая для тебя сумма? Если б ты выиграл в «Спортлото», по городу гулял бы слух, но никто про это не слышал. Может, ты снял деньги со сберкнижки? Ха-ха! Видишь, тебе самому смешна эта мысль. Откуда у тебя сберкнижка?! И вот тут — видишь, я только пытаюсь тебя выручить! — оказывается, что версия «клад нашёл» — самая безобидная. Все остальные объяснения — «крал», «вымогал», «шантажировал», «спекулировал», «подделывал деньги» — ещё хуже и ведут к ещё более неприятным последствиям.

Это была уже откровенная угроза, и Краб наконец откликнулся. Он разлепил губы и что-то пробурчал, но так тихо, что Адик не расслышал, и ему пришлось повторить громче.

— Ты меня знаешь, Адик: я на чужое не играю. А то были... личные дела, — просипел Краб и с отвращением махнул рукой, случайно задев Марата по макушке.

— Согласен: личная жизнь неприкосновенна! — кивнул Адик. — Она неприкосновенна, пока не вторгается в сферы чужих личных жизней.

Из разговоров с людьми, знавшими истца в прошлом, Марат заключил, что тот обладал даром внушать невольное уважение и необъяснимое сочувствие к самым предосудительным своим поступкам и винить в них людей, общество, тяжелую наследственность, необузданную мужскую натуру и даже злой рок. Основой этого поразительного дара служило то, что он не объяснялся и не

оправдывался. Впоследствии, анализируя в высшей степени интересный разговор, случайным свидетелем которого оказался, Марат решил, что вел себя Краб именно так, как должен был вести себя тот, кого он разыскивал. Хотя порой Марату казалось, что странный этот разговор, который происходил по ту сторону его закрытых век, ему просто померещился. Море, которое он увидел впервые в жизни; настоящее, хоть и маломерное судно, на борту которого он оказался; рядом с ним — руку протяни, — по всей вероятности, истец, которого он настиг в первые же часы своего появления в городе... Что, кроме разговора о кладе, могло пригрезиться Марату в подобной обстановке?! К сожалению, то, что в дальнейшем происходило на катере, осталось для него сокрытым. Впрочем, в своем состоянии — что это было: забытье, полуобморок от истощения, эйфория, морская болезнь? — Марат все равно не смог бы ни во что вмешаться.

Он успел разобрать несколько странных, двусмысленных возгласов и еще более подозрительное, тягостное молчание в ответ на них, прежде чем голодная дрема вновь смешала явь с грезами. Минуло какое-то время — он не знал, сколько минут или часов, — и на корме поднялась кутерьма. Надвигались и уходили какие-то силуэты, лиц он не различал. Пассажиры впереди для чего-то менялись местами. Пару раз Марата подвинули и сложили ему на колени (кстати, довольно вежливо) руки, которые он во сне разметал в стороны. Ему не хотелось ни вникать, ни вмешиваться в происходящее. В какой-то момент Марат почуял запах духов «Быть может...», запах Директрисы Учреждения, и вздрогнул, но потом сообразил: видимо, Лора вернулась, успев надушиться; самоуверенная рыжая пахла явно по-другому. В глубине души он отдавал себе отчет, что проявляет малодушие,

граничащее с изменой долгу, но укоры совести едва долетали до него из страшного далека, тогда как гораздо ближе, явственнее и потому неодолимее обступало чувство уюта в тесном закутке между бортом и спиной для чего-то вплотную притиснувшегося к нему моремана. Тот держался напряженно, что позволяло Марату наваливаться на него всем весом расслабленного тела, ведь волны непрерывно болтали катер. Иногда рычаги локтей и желваки мышц на спине Краба приходили в движение с силой и точностью, способными покорить любого, кто просто механически с ними соприкасался. Да, эта нервная мощь завораживала.

Только гораздо позже Марат осознал, и от этого открытия его пробрал озноб, что окажись моряк тем самым истцом, которого Марат разыскивал, и заподозри он неладное — ему представлялся великолепный шанс навсегда избавиться от преследователя. Что, по большому счету, мешало Крабу затолкать Марату в рот кляп из скомканного носового платка, которым еще у трапа он тер себе шею и грудь под галанкой, стянуть Марату руки его же брючным ремнем и, взяв под колени, перевалить через борт? Разве не так же решительно и хладнокровно действовал он еще в ранней молодости, когда устранил Марата с пути как досадное недоразумение, вернее — перешагнул через него в жадном стремлении поскорее вдохнуть вольный ветер дальних странствий, поддерживая иск, по которому ответчика приговорили к длительному сроку заключения? И если тогда даже увещевания искусных адвокатов не могли удержать его от расправы, то почему теперь, когда он наверняка заматерел в своих принципах и отшлифовал приемы, его должно было смутить присутствие равнодушных пассажиров? Улучи Краб момент, когда все будут глазеть на море (а такие моменты

были, ведь и возглас «дельфины!» Марат в полусне запомнил), все повернут головы в сторону открытого моря, и за гулом мотора никто не услышит всплеск от падения тела за кормой. В какой-то момент Марату — вот как он был вымотан! — показалась заманчиво-уютной мысль о медленном соскальзывании в теплые сумрачные глубины. Еще в Учреждении Марат со старшим узником Петриком пришли к выводу, что преследователи истцов должны быть готовы к любым самым неожиданным зигзагам погони. Долгая изнурительная борьба — на черноморском побережье Марату только предстояло в нее вступить, а продолжить на Дальнем Востоке — могла обернуться еще более мрачной развязкой в холодных водах Охотского моря. Отсюда следовало — и это раньше не подвергалось никакому сомнению, — что надо быть постоянно настороже и действовать крайне предусмотрительно. Теперь же Марат и пальцем не пошевелил, чтобы уклониться от предполагаемого удара противника. Удобно же он устроился — как зритель, отсыпавшийся на скучном киносеансе! Не исключено, что еще и улыбался во сне глупейшим образом. Может, качка сыграла с ним злую шутку, а его фантастическая беспечность была редкой формой морской болезни? Правда, выныривая из забытья, Марат, прежде чем вновь погрузиться в пучины благодушия, неизменно находил взглядом то сбоку, то впереди себя тусклое свечение краба на белой фуражке, и мысль о том, что он удерживает объект в поле зрения, служила Марату хотя бы слабым утешением и оправданием.

Ну а то, что происходило между Крабом и вором во время нашедшего на Марата сонного затмения, он профукал, окончательно сдав позиции. Как Марат узнал впоследствии, игра стала финалом тягостного разговора между этими двумя. Со слов о карточных дамах начался

их диалог на катере, картами и завершился. Реплики играющих на редкость удачно вплетались в запутанное сновидение, хотя произносили их совсем не те люди, которые были рядом: как всегда, дело происходило в Учреждении — редко Марату снилось что-либо другое.

Пробуждение оказалось кошмарным, точно продолжение сна. Когда жесткая, тяжелая рука легла Марату на плечо и его принялись энергично трясти, говоря, что пора сходить на берег, он, проморгавшись, увидел то, чего никак не мог даже вообразить. Над ним в знакомой фуражке, сбитой на бритый затылок — головной убор был ему явно мал, — стоял Адик и бесцеремонно его будил.

— Да кто ты такой?! — ошарашенно воскликнул Марат, возмущенно оттолкнув его руку, вскакивая и озираясь.

И хотя ясно было, что Марат ждал ответа на все накопившиеся за время его сна недоразумения, а вовсе не собирался выяснять личность вора, тот отнесся к его словам буквально.

— Разве у меня на лбу не написано? — спросил он, недобро подмигнув Марату.

И тут же отвернулся к Лоре, принявшись ее щекотать и тискать, — возможно, для того, чтобы оградить себя от дальнейших расспросов. Однако женщина с напускной строгостью уперлась кулачками в грудь Адику и, выглянув из-за его спины, отчетливо, чуть не по складам проговорила:

— Наш катер причаливает к центральному военному санаторию имени Ворошилова. Мы ходим на берег.

С какой вкрадчивой, а по сути, наглой уверенностью произнесла она это «мы», ясно намекая, что Марат никак не очухается, что он проворонил все, в том числе заспал цель своего путешествия и не пропустит ее лишь благодаря попутчикам, которые по счастливой случайности

следуют в тот же пункт назначения! На самом деле он мгновенно узнал и жадно оглядел качающуюся перед глазами зеленую гору, разрезанную сверху вниз по склону узкой колежкой черных рельсов, по которым медленно скользил к пляжу красный вагончик. И так же, как на открытке, которая лежала в кармане куртки вместе с другими видами этого города, по обеим сторонам фуникулера белели выступающие из-за деревьев причудливые корпуса санатория. Прямо напротив него, где-то ближе к вершине этой горы, находился конечный пункт назначения.

— Я плыву дальше, — сказал Марат, усаживаясь на свое место и плотно скрестив на груди руки.

— Нам это решительно все равно, — еще более миролюбиво возразила Лора, — а потревожили мы твой сон, поскольку нас предупредили, что ты хотел высадиться именно здесь.

— Кто вам такое сказал?

— Человек из команды катера.

— Да где он, этот человек? — ядовито хмыкнул Марат и заглянул под лавку, словно там кто-то мог прятаться.

Адик сделал нетерпеливое движение, но Лора его удержала:

— Он в рулевой рубке. Стоит за штурвалом. Успокойся: не бегать же ему с носа на корму будить каждого задремавшего, даже такую важную персону, как ты.

Марат поморщился, вытягивая затекшую ногу и массируя ее; при этом он высунулся в проход, чтобы заглянуть в открытую дверь рубки, но кого-либо отчетливо не рассмотрел.

— Я-то спокоен, — сказал Марат, — настолько, что терпеливо выслушиваю, как мне разжевывают самоочевидные вещи и ни словом не отвечают на вопрос, который на моем месте у любого возник бы сам собой.

— Какой же это вопрос? — улыбаясь, спросила Лора.

— Представьте себе, — веско заговорил Марат, пародируя ее манеру, — что ваш попутчик задремал, и не обязательно потому, что возле вас скучно или тошно. Причины возможны всякие: утомление от долгой неволи, необходимость собраться с силами перед новым важным делом... — Позже Марат вспоминал, что Адик, развернувшийся лицом к берегу, как будто вздрогнул. — А просыпается он, представьте себе, оттого, что бужу его я, причем в вашем парике. При этом вас рядом не видно. Разве не возникнут ко мне, мягко говоря, вопросы? И разве не похожий фокус проделал ваш спутник, когда принялся меня толкать, надев фуражку хозяина, которого я пока что, строго говоря, не вижу? И даже если он действительно в рубке, к чему этот маскарад?

— Фу! Какой грубиян! — сказала Лора, и губы ее обиженно дрогнули.

— Хватит с ним цацкаться, он сам не знает, чего хочет! — рявкнул Адик и потащил Марата в проход.

Судно уже покачивалось у вытянутого с берега бетонного языка. Длинноногий Стерх выпрыгнул на причал первым, и его рыжая спутница, которую он назвал Жемой, тянула руки, готовясь последовать за ним.

— Я хочу узнать, — сказал Марат, упорно пытаюсь высвободить руку, — как зовут человека из команды.

— Зачем? — не останавливаясь, спросил голован.

— Чтобы потом найти и вернуть долг.

— Можешь не возвращать.

— У него ведь не частная лавочка, а государственное судно. — Марат уже перестал упираться, опасаясь довести дело до открытого конфликта, и отчаянно пытался образумить Адика. — Деньги за билет принадлежат государству. И даже если он положит их себе в карман, не

нам об этом судить. Может, он острее нас с тобой нуждается в деньгах. Вот морская фуражка тебе, особенно не твоего размера, точно не нужна, а моряку еще послужит. Давай я, так уж и быть, отнесу ее в рубку.

— Да ты репей! — крикнул Адик, выталкивая Марата на буну. — Думаешь, я не знаю, что голова ему нужна, чтобы шапку носить? А что касается чужого размера, то и я тебя спрошу: чья на тебе нейлоновая сорочка? Рукава ты закатал, но плечевые швы висят на локтях, да и ворот широк. Тем не менее она на тебе. А где тот, кому она по размеру? Может, его и в живых уже нет? — С этими словами вор принял из катера Лору (она шла последней) и зашагал, не оборачиваясь, вместе с другими к берегу.

Нельзя было терять ни секунды. Мотор взревел, и палуба круто разворачивающегося катера накренилась. Пожалуй, Марат мог бы еще допрыгнуть с разбега, но на разбег не оставалось времени. Он сложил ладони рупором и крикнул, что забыл под лавкой обувь. Это была чистая правда. Несколько человек посмотрели на него, и пока один (кажется, он был из команды катера, хоть и не в морской форме) медленно приставил ладонь к уху, полоса воды между бунной и судном расширилась метров на десять. Марат сел на буну, высоко поднял босую ногу и взмахнул руками, как бы надевая ботинок, а затем энергично ткнул пальцем в сторону катера. И тогда тот, один, кто пытался расслышать его, невыносимо медленно двинулся в рубку (все остальные уже равнодушно отвернулись от Марата), и в те томительные секунды, пока его не было видно, катер отплыл безнадежно далеко. Вновь появившись на палубе, человек сочувственно пожал плечами и, понимая, что с такого расстояния Марат может не разглядеть его жест, продублировал его, широко разведя руки и обреченно их уронив. Солнце осветило его скорбь-

ный силуэт. Марат обозвал этого уж никак ни в чем не повинного пассажира телком. Тем самым расписываясь в собственном бессилии. Разумеется, на катере подумали, будто речь идет о старых копеечных сандалиях, которые не могли служить поводом для возвращения и веселой лодки, а не то что маломерного пассажирского судна. Марат придерживался иной точки зрения. Но и он подостыл. По мере того, как вероятная цель вновь превращалась в точку за горизонтом — привычная за долгие годы дистанция (уж не сделалась ли она незаметно для него самой приемлемой?), — стали проступать все нюансы случившегося. Так ли уж однозначно было оно поражением, как почудилось ему второпях и спросонок? Возможно, что и неодолимая дрема в море, и принудительная высадка на берег сыграли ему на руку, по большому счету. Истомленный жаждой сближения с целью до пределов видимости, слишком уж он привязался к первому же отдаленно подпадающему под описание объекту, жадно подгоняя под свои мерки его настоящее и домысливая прошлое. Да и будь Краб действительно искомое Маратом лицо, не исключено, что он успел улизнуть с катера на одной из предыдущих остановок, нахлобучив свою фуражку на Адика, как на живой манекен, предоставив Марату разыскивать его на борту до полного изнеможения. Теперь же — нет худа без добра — Марат получил передышку, чтобы позаботиться о пропитании.

Что касается черных войлочных ботинок «прощай, молодость!», которые под лавкой на корме самостоятельно плыли обратно в сторону морского вокзала (вполне возможно, катер, пока Марат спал, успел добраться до соседней Абхазии! — и уж, во всяком случае, сделал мертвую морскую петлю — и теперь отщелкивал причалы в обратном порядке), их утрата скорее воодушевляла, чем

печалила. Можно считать, Марат сдал обувь в плавучую камеру хранения. Ботинки служили залогом, пусть и сомнительным, новой встречи в будущем, по крайней мере веским поводом. Хотя с этой точки зрения Марат допустил непростительное упущение, не запомнив название катера... Но не могло же быть такого, чтобы он не заметил названия! Отплывающее суденышко с пассажирами, толпящимися на борту, отпечаталось в мозгу с фотографической четкостью. Нет, антрацитовый борт был странно пуст, там не выделялась надпись. Возможно, совсем недавно борта покрасили черной масляной краской и замазали белые буквы, забыв обновить их? Но разве может безымянное судно выйти в море? Если только это не «Летучий голландец»! Значит, теперь катер не так просто будет отыскать, потому что, скорее всего — может, даже в ближайшие часы, — опомнившись, ему вернут имя. Но в любом случае, теплая зимняя обувь как таковая может долго еще не понадобится: заранее неизвестно, на сколько дней, месяцев, а то и лет дела задержат Марата здесь, где зимует лето.

Оглавление

Глава 1. На катере.....	5
Глава 2. Пляж Клим Ворошилова	31
Глава 3. Местная шпана	49
Глава 4. Шкатулка с секретом	60
Глава 5. Допрос	71
Глава 6. Свидетель ссоры	83
Глава 7. По дороге в кино	92
Глава 8. Билет на вечерний сеанс	101
Глава 9. Осмотр квартиры	111
Глава 10. У художника	116
Глава 11. Поиск улик	135
Глава 12. В подвале	146
Глава 13. Изнаночный шов	154
Глава 14. Двойные места	178
Глава 15. Последний зритель	201
Глава 16. Невстреча	206
Глава 17. Ночной чай	216
Глава 18. Телефонный звонок	230
Глава 19. Генеральная уборка	237
Глава 20. Споры глухих	248
Глава 21. Новые версии	267
Глава 22. Соперницы	274
Глава 23. В засаде	281
Глава 24. «Учи матчасть, братишка!»	291
Глава 25. Киномеханик	306
Глава 26. Молчание бронзового льва	315
Глава 27. Ирга и инжир	325
Глава 28. Садовник и смершевец	335
Глава 29. В поисках истца	349
Глава 30. Поминки	360
Глава 31. Арест	375
Глава 32. Внизу	386
Глава 33. Пожар	396
Глава 34. Отбытие поезда	410

**Михаил Однобибл
и Вероника Кунгурцева**

КИНОМЕХАНИКА

Редактор Е. Пучкова
Корректоры В. Вересиянова, О. Наренкова
Компьютерная верстка С. Новиков

Подписано в печать 16.05.2018. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 27. Гарнитура «Journal».
Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1
www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru,
тел.: +7 (985) 8000 366

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография».
Филиал «Чеховский печатный двор».
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1,
www.chpd.ru,
тел. +7 (499) 270 7359.

«Как говорил старый сиделец Петрик, самую сутулую легенду можно вывернуть наизнанку так, что у нее будет грудь колесом».

• • •

«Некоторые тексты имеют совершенно магическое свойство притягивать к себе. Кажется, "Киномеханика" обладает такого рода волшебством».

Любовь Беляцкая, критик, сооснователь книжного магазина «Все свободны»

«...без этого текста-эксперимента, текста-вызова и текста-погружения в бессознательное страны – пусть и в нарочито игровой форме – современная литературная реальность будет неполной».

Наталия Курчатова, писатель, критик

«Можно ли назвать роман "Киномеханика" детективом? – Да, в определенном смысле его можно считать криминальным, но только не читивом. Криминальным романом – можно, но очень нестандартным и постоянно обманывающим ожидания читателя».

Арсен Мирзаев, поэт, литературовед

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРГОДЕТС

ISBN: 978-5-907085-01-5

9 785907 085015

www.gorodets.ru